

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИИ КАК НАУКИ В АНТИЧНОСТИ

История как наука не возникла внезапно. Ей предшествовал длительный процесс развития в форме исторического повествования. Последнее было обусловлено, по крайней мере, тремя предпосылками: осознанием хода времени как необратимого процесса, возникновением письменности и оформлением государственности¹. Таким образом, появление исторического повествования можно отнести к IV–III тыс. до н. э., т. е. к моменту формирования древнейших цивилизаций.

С возникновением письменности появились документы общественной и частной жизни. Важнейшими среди них являются летописи и хроники, надписи, касающиеся хозяйственных, социальных и военных дел, сборники законов и т. д.² Учитывая это, закономерным является вопрос: где и когда ранее всего совершился переход от простого исторического повествования к истории как науке – на древнем Востоке или в древней Греции, где также существовали местные хроники (т. н. *ἀναγραφαί*), списки царей и должностных лиц, начиная с VIII в. до н. э.³, тексты законов, или в более позднее время уже в Новой Европе. Проблема эта является весьма спорной. Советская марксистская историография решала ее в духе утверждений, не предусматривавших каких-либо сомнений или возражений. Образчиком таких суждений может служить статья «Историография» в Советской исторической энциклопедии, где в разделе «История исторической науки» говорится следующее: «в доклассовых, рабовладельческих и феодальных обществах, когда господствующим было религиозное мировоззрение, историческое мышление почти не выходило за рамки простого описания исторических фактов, в основном шло лишь накопление исторических знаний и развитие исторических представлений. Процесс превращения исторических знаний в науку, становления истории как науки занял значительный исторический период... Важнейшей вехой начала научного изучения истории является эпоха ранних буржуазных революций в Западной Европе, ознаменованная переворотом в историческом мышлении – понимание истории окончательно освобождается от церковных пут, возникает более или менее развитое представление о законах раз-

---

¹ См.: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977; Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.

² Подробное рассмотрение этих источников см. в работах: Источниковедение истории древнего Востока / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1984; История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первых очагов рабовладельческой цивилизации / Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983–1988. Ч. 1–2.

³ Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в нач. XX в. СПб., 2005. С. 54 сл.; Пельман Р. фон. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 70 сл.; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 54 сл.; 120 сл.; Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.

вития истории, в исторические представления входит идея историзма. происходит выделение исторических знаний в особую отрасль гуманитарных наук»⁴.

Согласно этому заявлению, на древнем Востоке возникли исторические сведения, в греко-римском мире сформировались исторические знания, а сама историческая наука возникла в Европе Нового времени. Однако уже в конце XIX – в нач. XX в. от этой идеи стали отказываться, и связано это с критикой эволюционной теории и доказательством нелинейного развития человеческой истории. В это же время стали отказываться и от идеи линейного гомогенного времени, которое, как считалось, тянется по прямой из прошлого в бесконечное будущее. Европейские исследователи признали, что история, подобно математике, физике, астрономии, медицине и географии является одной из самых древних наук. Но теперь дискуссия приобрела более конкретный характер и вопрос поставлен таким образом: где впервые возникла история как наука: на древнем Востоке или в древней Греции.

Как уже было отмечено выше, на древнем Востоке впервые возникли различные формы исторического повествования. Здесь появился древнейший эпический жанр – эпос о Гильгамеше, который старше Илиады на 1000 лет. Развитие на Востоке не стояло на месте и уже к VI в. до н. э. в иудейской гражданско-храмовой общине появились знаменитые книги Ветхого Завета Библии, имеющие историческое содержание. В связи с этим некоторые современные исследователи родиной исторической науки стали считать древний Восток. Среди русскоязычных ученых обстоятельно обсуждает эту тему И. П. Вейнберг⁵. Но в своих выводах он осторожен. Он подчеркивает, что очаги возникновения истории как науки находились во многих местах, в т. ч. и на Ближнем Востоке. Далее он отмечает, что, если античное историописание в середине I тыс. до н. э. уже осознало себя, то историописание древнего Востока было на пути к этому, при этом автор считает, что античное и восточное историописание взаимодополняли и взаимобогащали друг друга.

Но осторожность суждений не исключает тех принципиальных проблем, на которые необходимо дать ответы. И. П. Вейнберг таких четких ответов не дает. Такой ответ попытался дать А. И. Немировский, считающий, что родиной исторической науки была именно древняя Греция⁶. Я разделяю мнение А. И. Немировского и попытаюсь дополнить его некоторыми собственными суждениями.

---

⁴ См.: Данилов А. И. История исторической науки // *Историография* / СИЭ. М., 1965. Т. 6. С. 456–465; см. также: Ерофеев Н. А. Что такое история? М., 1976. С. 16 сл.; Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 74–76.

⁵ Вейнберг И. П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э. М., 1993.

⁶ Немировский А. И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.

Что касается западной историографии, то распространению утверждения о том, что историческая наука возникла на древнем Востоке, в немалой степени способствовали популярные в нач. XX в. идеи О. Шпенглера, одного из основоположников философии циклизма. Отказавшись от идеи эволюционного развития, Шпенглер рассматривал историю как ряд автономных циклов, культур. Каждая культура, по его мнению, развивается самостоятельно, но, благодаря морфологии культур, можно вскрыть некоторые аналогии и сходства между ними. Характеризуя античную цивилизацию, Шпенглер утверждал, что греки были самым аисторичным народом и их мысль была геометрической, визуальной. Эту идею подхватили и развили те исследователи, которые, сравнивая греческую историческую мысль с ближневосточной и, в частности, с ветхозаветной, отдавали предпочтение последней.

Так, нидерландский философ и историк Г. Боман в своей книге «Еврейское мышление в связи с греческим»⁷ считал, что грекам не присущ историзм и даже Фукидид, по его мнению, был далек от него, ибо история понималась им как вечное повторение одних и тех же событий и явлений. Статичности и цикличности греческой мысли Боман противопоставлял поступательный библейский динамизм. Поэтому он считал, что большинство Ветхозаветных книг исторично, так как история понимается Библией как движение. Там, где в античности Боман встречал элементы динамики, он приписывал это заимствованию с Востока. Так он объясняет появление у греков гераклидовой диалектики. Об отсутствии в античной историографии историзма говорит и немецкий историк Хр. Мейер⁸. Согласно английскому историку Р. Дж. Коллингвуду⁹, «греки были совершенно уверены в том, что объектом подлинного знания может быть только неизменное, ибо оно должно иметь определенный только ему присущий характер и не носить в себе семена своего разрушения. История же – наука о человеческих действиях: историк изучает поступки, совершенные людьми в прошлом. Но они принадлежат к меняющемуся миру, где вещи возникают и прекращают свое существование. Такие вещи с точки зрения греческой философской мысли должны быть непознаваемы, но тем самым история становилась невозможной». Поэтому автор заключает, что «у греков история не была объектом научного познания. Она была лишь предметом восприятия». Однако, как мы увидим ниже, Коллингвуд иногда противоречит сам себе.

Среди отечественных исследователей, высказывающих подобные же мысли, следует назвать, прежде всего, В. В. Бычкова, автора работ по античной эстетике¹⁰. В своей книге он утверждал, что «греки мыслили не временными, а только пространственными категориями». Они

---

⁷ Boman G. Das hebraische Denken im Vergleich mit den Griechischen. Göttingen, 1959.

⁸ Meier Chr. Geschichte // Geschichtliche Greindbegriffe. Stuttgart, 1975. Bd. 2. S. 603.

⁹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 22–23.

¹⁰ Бычков В. В. Эстетика Филона Александрийского // ВДИ. 1975. № 3. С. 59 сл.; его же. Эстетика поздней античности. М., 1981. С. 55 сл.

понимали бытие как существование в определенном месте космоса некой неизменной пространственной структуры. Для древних греков, как он утверждает, история – часть природы, духовная жизнь исторична. Поэтому грек якобы мало интересовался своим прошлым. Оно для него сразу же теряло реальное значение и становилось мифом. Грек жил настоящим. История для него – вечное повторение, ибо и время в греческой культуре циклично, его символом является круг. Известный историк академик М. А. Барг¹¹ отмечал, что «античный способ воспринимать мир – это, прежде всего, видеть. Видимый же мир замкнут, сферичен. Зрительный подход к действительности обусловил господство концепции круговорота, т. е. времени, протекавшего в замкнутом круге. Представляя идеал бытия как нечто вечное и неизменное, древние греки усматривали в движении и изменениях только лишь низшие уровни действительности, на которых тождественность существующего может проявлять себя только в форме пребывания, т. е. возврата, повторения былого». И далее автор говорит: «идея, согласно которой предметом науки может быть лишь сфера видимой гармонии, буквально пронизывает историю Фукидида». Фукидид видел суть истории не в изменениях, он вообще не воспринимал ее как движение в каком бы то ни было направлении. «Поучительной история становится тогда, – считал М. А. Барг, – когда она сосредоточена на повторяющемся, остающемся неизменным порядке вещей. В итоге подобная история возможна была только при условии, если она лишалась генезиса, равно как и перспективы. Такова была классическая событийная история». На это можно только возразить, что такое мог написать человек, либо вообще не читавший Фукидида, либо тот, у кого философское мышление совершенно неадекватно реальности.

А. Ф. Лосев¹², напротив, полагал, что в античности «человек и история все время трактовались как находящиеся в движении, но это движение всегда возвращалось к исходной точке». Вместе с тем он подчеркивал, что «ошибаются те, кто в классической философии истории отрицает всякий историзм» и далее он замечает, что «вся человеческая история, если даже ограничиться только Геродотом и Фукидидом, представлялась античному сознанию как нечто полное драматизма и трагизма...». Поэтому он говорит, что «нельзя делать вывод, что в классической философии истории не было никакого чувства историзма. В реальном развертывании он обладал всеми чертами человеческой борьбы, неустанных человеческих исканий, постоянных подъемов и падений, постоянного драматизма, а часто даже и самого подлинного трагизма»¹³. Правда, стараясь уложить классические идеи философии истории в прокрустово ложе марксистско-ленинской теории обществ-

---

¹¹ Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 64; его же. О категории «историческое время» // История СССР. 1982. № 6. С. 88.

¹² Лосев А. Ф. Критические заметки к диалогу «Тимей» // Платон. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1994. Т. 3. С. 594–619; Лосев А. Ф. Античная философия...

¹³ Лосев А. Ф. Античная философия... С. 201–202.

венно-экономических формаций, А. Ф. Лосев утверждает, что «в сочинении Фукидида изучается причинность возникновения событий, но никакой общей идейной направленности этих событий не формулируется»¹⁴. Можно только пожалеть вместе с А. Ф. Лосевым, что Фукидид не был марксистом-ленинцем. Идеи А. Ф. Лосева разделял и С. С. Аверинцев.

Как видим, мысли, высказанные и М. А. Баргом и В. В. Бычковым, в значительной степени перекликаются с теми выводами Р. Коллингвуда, равно как и О. Шпенглера, которые касаются античной философии истории. И в связи с этим возникает еще большая необходимость более основательно рассмотреть две проблемы: во-первых, действительно ли историческая идея и понимание истории как науки имели место в литературе народов древнего Востока и, во-вторых, что же такое историзм и как его следует толковать в настоящее время.

Исследователи, отвергающие историзм и понимание истории как науки у греков, стали искать их на древнем Востоке. Так египетский историк Диа Абу-Шар считал, что богиня Сешат являлась египетской Клио¹⁵. Я полагаю, что этот историк, руководствуясь патриотическими чувствами и национально-культурными соображениями, выдает желаемое за действительное. По крайней мере, известный английский историк Л. Байл¹⁶, хорошо знающий литературные памятники древнего Египта, отметил, что ни один из древнеегипетских источников не содержит даже намеков на то, что в них идет речь о понятиях, которые соответствовали бы нашему понятию «история». В древнеегипетском пантеоне, как он подчеркивает, нет божества, которое бы по своим функциям соответствовало Клио.

Это же можно сказать и о литературе древней Месопотамии, которая также не сохранила каких-либо следов исторического мышления. Известный знаток шумерской и вавилонской литературы американский исследователь историк и археолог С. Н. Крамер¹⁷ пишет: «в Шумере не было историографов в общепринятом смысле слова... Ни один из шумерских писцов и авторов, насколько нам известно, даже не пытался создать что-либо похожее на описание политической или общей истории Шумера, не говоря уже об остальной известной части мира».

---

¹⁴ Лосев А. Ф. Античная философия... С. 129. См. также: Лосев А. Ф. Античная философия и общественно-исторические формации // *его же*. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 398 сл. Однако еще в 1927 г. он писал, что «для века диалектического материализма рассуждение об античной диалектике должно считаться забытым хламом веков... Тут одно из двух – или античная диалектика, или диалектический материализм и марксизм. Или мы выбираем последнее, и тогда прощай античная диалектика с ее космосом и прочими «бесплатными приложениями». Разумеется, выбор ясен» (см.: Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 64 [предисловие к его работе «Античный космос и современная наука»]).

¹⁵ *Dia Abou-Shar*. Seschat die Klio der Ägypter // *Das Altertum*. 1969. Bd. 15. Hft. 4. S. 195 ff.

¹⁶ *Byll L*. Ancient Egypt // *The Idea of History in Ancient Near East*. L., 1966.

¹⁷ *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965. С. 46 сл.

Немецкий историк Г. Фрайданк, обобщая существующую научно-историческую мысль, имеющую отношение к проблеме понимания историографии или истории как науки на древнем Востоке, в целом подчеркивает некорректность употребления термина «историография» применительно к древнему Востоку и считает, что допустимо говорить лишь об исторических текстах, т. е. документах, отражающих, как я уже и говорил, уровень исторического повествования, а не об «историографических», т. е. научно-исторических. На это же указал и уже упоминаемый английский историк Р. Дж. Коллингвуд, заметивший, что ни у шумеров, ни у других народов Востока не было идеи истории. По его мнению, творцы древневосточных цивилизаций создали лишь псевдоисторию в двух ее вариантах: во-первых, теократическую историю, в которой божества выступают как сверхъестественные правители человеческих обществ; во-вторых, миф, действующими лицами которого являются всегда боги и герои и никогда люди¹⁸.

К завершающему этапу развития древневосточной литературы принадлежит Библия. В силу своего сравнительно позднего происхождения Библия объединила все, что дали народы древнего Востока в области осмысления истории, и уже в силу этого продвинула историописание на более высокую ступень. Кроме того, разрушение самостоятельности древнееврейских царств, ассирийское и вавилонское пленение были восприняты древнееврейскими писателями и жрецами как драма всего человечества, требующая не простого пересказа в духе старинных хроник, но религиозно-философского и исторического осмысления.

Объективные условия существования древнееврейского народа после ассирийского и вавилонского завоеваний и стремление сохранить свои культурно-национальные традиции и восстановить самостоятельную государственность способствовали возникновению у них исторической идеи о линейном гомогенном времени, которое тянулось от сотворения мира Богом и возникновения богоизбранного народа к будущему рождению Нового Израиля в результате явления мессии. Однако носителем этой идеи в их представлении была не какая-либо реальная общественная сила, не царская власть, а сам бог Яхве, провиденциализм которого обусловил как возникновение древнееврейских царств, так и их гибель, и новое возрождение.

Итак, к VI в. до н. э. возникли два противоположных понимания истории: одно – ветхозаветное, библейское, основанное на сугубо религиозном мышлении, на религиозно-философском восприятии исторического прошлого и настоящего и на линейном понимании исторического времени, другое – древнегреческое, основанное на светском характере мышления, рационалистически философском объяснении прошлого и настоящего и соответствующем этому объяснению циклическом понимании исторического времени.

---

¹⁸ Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 14 сл.

В основе суждений современных защитников приоритета Библии в истории исторической мысли лежит представление о коренном различии типов мышления эллинов и древних евреев. Для первого якобы наибольшую роль играло пространство, для второго – время. Первое открывало бога в природе, второе – в истории. Отсюда делается вывод об аисторичности эллинского мышления и об историчности ветхозаветного. Однако действительное различие между эллинами и древними евреями имело другой характер. Эллыны как индоевропейцы в отличие от древних евреев как семитов имели секулярное светское мышление, истоки которого восходят к глубокой древности. По крайней мере, следы этого мышления мы находим у Гомера, а еще ранее в хеттских памятниках¹⁹ в сравнении их с древнеегипетскими и древневавилонскими египетскими памятниками. Поэтому я считаю, что утверждение об аисторичности греческого мышления и историчности ветхозаветного мышления обусловлено прежде всего пониманием историзма как линейного поступательного процесса и времени как линейного необратимого движения вперед.

Однако, сравнивая исторические да и философские произведения греческих авторов и ветхозаветные исторические и религиозно-философские тексты, следует признать, что различие между эллинами и древними евреями заключалось прежде всего в том, что для еврейского мировоззрения и мироощущения характерно было признание того, что в центре мироздания всегда находился активно действующий бог Яхве, иудеи от рядовых до царей всегда остаются либо пассивны, либо покорны богу, либо нарушают его заветы и тогда терпят от него всякие наказания. Для эллинского мировоззрения и мироощущения было характерно признание в центре мироздания прежде всего активно действующего человека.

Таким образом, признание рядом ученых того, что научные принципы философии истории стали формироваться в ветхозаветных книгах Библии, было обусловлено тем, что в них видели отражение и понимание якобы подлинного историзма, который отсутствовал в понимании эллинов. Традиционное толкование категории «историзм» в его позитивистски-марксистском духе возникло в середине XIX в. и отражало идею поступательного, линейного, прогрессивного и закономерного процесса развития²⁰. Традиционный историзм таким образом признавал возможность познания человеком объективных законов развития природы и общества и выделения на этом основании его

---

¹⁹ Гомер позволял себе посмеяться над богами и даже высказать критические замечания. О собрании хеттских памятников см.: Луна, упавшая с неба (Древняя литература Малой Азии. М., 1977). О параллельном исследовании хеттской и ветхозаветной литературы см.: *Kammenhuber A. Die hettische Geschichtsschreibung // Saeculum. 1958. № 9. S. 13; Cancic H. Gründrüge der hettische Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1976; Вейнберг И. П. К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке // Вопросы древней истории / Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1977. С. 69.*

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 16; Ленин В. И. Собр. соч. Т. 29. С. 436.*

прогрессивных этапов или ступеней, которые в марксистском общественно-экономическом определении определяются как общественно-экономические формации.

Однако в конце XIX в. стала развиваться и утверждаться теория нелинейного развития природы и общества во всех формах его проявления. Это стало возможным благодаря тем открытиям, которые были достигнуты новыми возникшими с конца XIX в. науками. Само понятие «прогресс» исчерпало свое содержание. Никогда нельзя доказать, что какое-либо явление в социально-экономической, политической, нравственной и других сферах жизни данного общества будет более прогрессивным, чем в обществах предыдущих. И природа, и общество развиваются скачкообразно, причем движение может быть не только вперед, но и назад, и не всегда движение вперед можно считать более прогрессивным, а движение назад – регрессом. Объяснить это нелинейное движение в природе и во всех сферах жизни общества какими-либо общесоциологическими законами невозможно, ибо всегда в природе и обществе действует множество факторов и сил многовекторной направленности, среди которых невозможно определить главные или второстепенные. Поэтому понятие «прогресс» с этой точки зрения является не более чем субъективно-оценочной категорией, используемой для сравнения в конкретный период различных предшествующих явлений социокультурного и особенно научно-технического характера с последующими. Поступки и деяния людей определяются не социально-экономическими факторами, как об этом постоянно твердила марксистско-ленинская философия, а социально-психологическими мотивами. Психологи доказывают, что в поступках и деяниях людей обнаруживаются тенденции к повторяемости. Это обусловлено как субъективными факторами, связанными со своеобразными психологическими кодами, которые генетически передаются из поколения в поколение от цивилизации к цивилизации, так и естественно-историческими условиями развития общества, когда сходные с предшествующими процессы побуждали людей принимать сходные решения.

В отличие от традиционного понимания историзма, восходящего к позитивизму XIX в., некоторые исследователи предлагают рассматривать историзм как способ разграничения прошлого и настоящего с учетом признания нелинейного многовекторного развития и повторения временных циклов²¹. Поэтому вполне можно вести речь об эпическом и античном историзме²². Это подтверждается как концептуальным истолкованием мифа о Прометее, из чего, кстати, не следует, что в данном случае платоновские идеи могут служить доказательством аисторического характера мышления греков, так и историко-философской концепцией Фукидида, основанной на рационалистиче-

---

²¹ Антипов Г. А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987.

²² См.: Фралов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981 (2-е изд. Л., 1991); *его же*. История как наука и искусство // *его же*. Парадоксы истории. Парадоксы античности. СПб., 2004. С. 6–19; Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.

ских идеях Анаксагора и философской школы софистов. Доказательства для упомянутого выше понимания историзма можно найти также во взглядах атомистической теории Левкиппа и Демокрита, а также в историко-философской концепции Полибия и в поэме Лукреция Кара «О природе вещей».

Таким образом, существование исторического повествования на древнем Востоке в форме летописей и хроник не трансформировались в историческую науку, поскольку в древневосточном обществе как с точки зрения социальной психологии, так и общественно-политического развития не сложился предмет истории как науки, так как здесь имело место преобладание прикладного отношения к знаниям, выразившееся прежде всего в прославлении деяний своих правителей и богов. Что же касается общественно-политического развития древневосточных обществ, то ко II-I тыс. до н. э. у них сложилась деспотическая форма правления, основанная на разветвленной бюрократической системе и жреческой идеологии, ограниченном праве частной собственности и отсутствии понятия свободы личности.

Вместе с тем, было бы неправильно считать, что древний Восток не оказал влияния на формирование древнегреческой историографии. Свидетельства Геродота, Платона, Страбона, Диодора указывают на непосредственное влияние древневосточной культуры на греческую. Археология и история искусства позволяют говорить о целом периоде в истории греческой культуры VII в. до н. э., который называется «ориентализирующим стилем». Греческие писатели, философы, историки были знакомы с древневосточными знаниями в области математики, медицины, астрономии, религиозной идеологии, с историческими хрониками и летописями.

Однако не влияние и заимствование обусловили возникновение исторической науки в древней Греции. Она явилась результатом сложных процессов этнокультурного и исторического развития греческого народа, самих греческих полисов. Ко времени появления ветхозаветных исторических книг у эллинов имело место этико-художественное восприятие мира у Гомера и рационалистически-религиозное и философское его понимание у Гесиода; сложилась традиция индивидуализированного творческого отношения к прошлой и современной действительности, что нашло свое отражение в циклической поэзии и раннегреческой лирике; в материалистическом и натурфилософском объяснении космоса (т. е. природы и общества) ионийскими философами²³. Результатом этого и было у эллинов циклическое восприятие исторического процесса и историзма и нелинейное понимание исторического времени.

---

²³ См.: Михайлов Э. Н., Чаньшиев А. Н. Ионийская философия. М., 1996; Залеский Н. Н. Очерки истории античной философии // Философия классической Греции. Л., 1975. Вып. 1; Асмус В. Ф. История античной философии. М., 1976; Богомалов А. С. Античная философия. М., 1985; Донских О. А., Кочергин А. Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. М., 1993. С. 35 сл.; Драч Г. В. Рождение античной философии. М., 2004. С. 118 сл.

Итак, формирование древнегреческой исторической науки происходило в условиях глубоких изменений в области социальной психологии, экономики, политических отношений и общественно-политической мысли. Как уже было отмечено, к VII–VI вв. до н. э. в древней Греции сложился достаточно высокий уровень развития рационалистических философских теорий, и имела место потребность с их помощью объяснять процессы и явления. Возникла заинтересованность общества в развитии науки²⁴. Среди процессов, протекавших в это время, наиболее значительными были развитие товарно-денежных отношений и частной собственности в большей части полисов, борьба между демосом и аристократией.

Развитие товарно-денежных отношений, открытие новых земель и начало греческой колонизации в архаический период в Элладе формировали у эллинов агональное мышление, интерес к своей собственной истории и потребность в ее исследовании, подобно тому как эти же процессы в Европе Нового времени способствовали возрождению европейской исторической науки, начиная с эпохи Ренессанса. Именно в это время у греков стала остро ощущаться общественная потребность осмысления самих себя, своего места в общечеловеческой истории. Как совершенно справедливо подчеркивал Р. Дж. Коллингвуд, «у них не историк выбирал предмет описания, а предмет – политизированный греческий мир – искал своего историка».

В заключение необходимо сказать также о методе исторической науки. Если историческая наука возникла в Греции, то вполне естественным является вопрос: в чем же заключается ее метод. Для этого прежде всего необходимо выявить научные особенности или черты греческой историографии. Это вполне позволяет сделать анализ введений к историческим сочинениям Геродота (I.1–5), Фукидида (I.1; 20–22; 23.1–3)²⁵. На основании этого анализа исследователи выделяют четыре основных особенностей греческой истории как науки:

1. Ее научность определялась постановкой вопросов и ясным пониманием задач и целей исторического труда.

2. Греческая историография рациональна, ибо обосновывает ответы, даваемые ею на поставленные вопросы, обращаясь к данным источников; при этом греческие историки вполне сознавали необходимость не только описания самих политических событий, но и выявления причинно-следственных связей в этих событиях.

3. Греческая историография – гуманистическая по своему характеру, ибо она стремилась сохранить для человечества проделанный ценный опыт; это подразумевало практическое понимание греками сущности истории как науки, т. е. учить людей на примере прошлого

---

²⁴ О развитии античной науки вообще см.: *Рожанский И. Д.* Античная наука. М., 1980; *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. С. 171 сл.; *Фролов Э. Д.* Парадоксы истории. Парадоксы античности. СПб., 2004. С. 5 сл.

²⁵ Достаточно обстоятельный анализ предисловий к сочинениям Геродота и Фукидида дан в работе *Э. Д. Фролова* «Факел Прометея» (С. 104 сл.; 119 сл.). К этому см. также: *Немировский А. И.* Указ. соч. С. 47 сл.; *Строгецкий В. М.* Возникновение и развитие исторической мысли в древней Греции. Горький, 1985; *Коллингвуд Р. Дж.* Указ. соч. С. 19 сл.

предугадывать поворот событий в будущем. Лучшим подтверждением этого может служить известное замечание Фукидида (I.22.4): «Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными».

4. Научное содержание греческой историографии обусловлено также критическим отношением к источникам информации, наиболее отчетливо и ярко отразившимся в заявлении Фукидида, который писал: «Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны» (I.21.1). ... «Что же касается событий этой войны (Пелопоннесской – В. С.), то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью» (I.22.1–2).

Таким образом, критическое отношение к источникам, достижение с их помощью надежных результатов исследования исторических событий и выявление причинно-следственных связей, пронизывающих и организующих эти события – все это и составляет сущность исторического метода, присущего греческой историографии²⁶. Критическое отношение к традиции сформировалось в древней Греции к V в. до н. э. в результате развития рационалистического индивидуального творческого отношения к литературным текстам, и уже в V в. появились специалисты, способные анализировать литературные тексты, называемые «грамматиками» (γραμματικός) или «критиками» (κρίτικός). Во II в. до н. э. выдающимся знатоком текстов был Дионисий Фракийский, который следующим образом определил деятельность грамматика или критика. Он считал, что суть этой деятельности в том, о чем говорится у поэтов и писателей. В опытность он включал:

– тщательное чтение согласно ударению и придыханию и количеству слогов;

---

²⁶ Р. Дж. Колингвуд считал, что метод древнегреческой историографии «держал древнегреческих историков на привязи, длина которой определялась непосредственной живой памятью: единственным источником для критики был очевидец события, с которым они могли беседовать с глазу на глаз» (указ. соч. С. 27 сл.). Исследователи источниковой базы Геродота и Фукидида показывают, что это не так. Критическое отношение к выводам Колингвуда см.: Фролов Э. Д. Факел Прометея. С. 139 сл.

- умение объяснять встречающиеся в тексте риторические фигуры;
- умение объяснять особенности языка и область исторического содержания;
- проведение изысканий в области этимологии;
- изложение грамматических соответствий;
- умение производить критический анализ текста.

Первые пять правил признаны малыми искусствами. Последнее правило считалось великим искусством. Гуманисты XIV–XV вв., начиная с Ф. Петрарки, возрождали античные представления об антропоцентризме, о свободе личности и индивидуализированного творчества, вернули к жизни и античное циклическое понимание времени и исторического процесса, а вместе с этим и исторический метод греческой историографии и критическое отношение к источникам²⁷. Поэтому важнейшим памятником историко-философской критики античных текстов эпохи Возрождения является памфлет Лоренцо Валлы «О ложности дара Константина». Валла рассматривает в трактате дарение половины империи императором Константином папе Сильвестру и источник, на котором факт дарения основан. Опираясь на филологические, исторические, географические и другие знания, Валла доказал подложность грамоты о дарении. Его основные приемы историко-филологической критики сводятся к следующему:

- приводить аргументы от правдоподобия к вероятности;
- искать объективные критерии;
- предпочитать свидетельства, современные анализируемому документу;
- для интерпретации текстов использовать данные нумизматики, палеографии, эпиграфики, археологии и филологии;
- видеть перед собой главную цель – установление истины.

Полагая, что всякая интерпретация текстов, все знания и вся культура вытекают из исторического мышления, он разработал следующие принципиальные требования, предъявляемые к ученому:

- обладать трудолюбием, острым взглядом, умением замечать различие в сходных и сходство в различных вещах и ситуациях;
- ученому, писателю и критику необходимо осознавать границы своих способностей к оценкам, стремиться к правде и объективности по отношению в лицам и их действиям и поступкам;
- уметь подавлять свои собственные симпатии и интересы.

Таким образом, благодаря греческой историографии, ее критическому отношению к источникам и возродившейся в эпоху Ренессанса историко-филологической критике, историческая наука Нового времени в начале XIX в. обрела свой историко-критический метод.

---

²⁷ Строецкий В. М. Проблемы возрождения истории как науки на заре Нового времени // Историк и его дело. Специальный выпуск. [Сб. науч. статей, посвященный 85-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера]. Ижевск, 2003. С. 20 сл.